

II. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА, ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В ПАРАДИГМЕ ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

УДК 1(091) |18|(075.8)

В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТИНЫ И ПУТЕЙ ГУМАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ: РУССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ 30-50-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Т. И. Адуло

*Институт философии Национальной академии наук Беларуси, ул. Сурганова, 1/2,
220072, г. Минск, Беларусь, tadoul@mail.ru*

В статье на базе трудов В. Г. Белинского, А. И. Герцена, М. А. Бакунина, П. Я. Чаадаева и других мыслителей раскрыт процесс развития философской мысли России в 30–50-е годы XIX века и ее роль в разработке гуманных социальных проектов — «русского крестьянского социализма», «славянской федерации» и других. Показано, что духовная жизнь в России представляла собой богатую, разноплановую и достаточно противоречивую картину, которая получила дальнейшее развитие уже во второй половине XIX века. Фактически именно 1830–1850-е годы подготовили выход на интеллектуальную сцену таких титанов мировой мысли, как Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев и других.

Ключевые слова: русская философия; М. А. Бакунин; В. Г. Белинский; А. И. Герцен; П. Я. Чаадаев; М. В. Петрашевский; славянофилы.

IN SEARCH OF SOCIAL TRUTH AND WAYS TO HUMANIZE SOCIAL PROCESSES: RUSSIAN PHILOSOPHICAL THOUGHT OF THE 30–50s OF THE 19th CENTURY

T. I. Adulo

*Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Surganova str., 1/2,
220072, Minsk, Belarus, tadoul@mail.ru*

The article, based on the works of V. G. Belinsky, A. I. Herzen, M. A. Bakunin, P. Ya. Chaadaev and other thinkers, reveals the process of development of philosophical thought in Russia in the 30–50s of the 19th century and its role in the development of humane social projects — “Russian peasant socialism”, “Slavic federation” and others. It is shown that the spiritual life in Russia represented a rich, diverse and rather contradictory picture, which was further developed in the second half of the 19th century. In fact, it was the 1830–1850s that prepared the entrance to the intellectual stage of such titans of world thought as F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, V. S. Solovyov and others.

Key words: russian philosophy; M. A. Bakunin; V. G. Belinsky; A. I. Herzen; P. Ya. Chaadaev; M. V. Petrashevsky; slavophiles.

Рассмотрение заявленной темы представляется нужным начать с общей оценки русской философии как формы духовной культуры, поскольку на протяжении двух столетий не прекращаются дискуссии относительно ее сущности, специфики, а также хронологических рамок ее зарождения и формирования. Одни исследователи (М. Н. Громов, Н. С. Козлов) относят зарождение русской философии к X веку, другие (В. В. Зеньковский) — к XVIII веку, третьи (А. И. Введенский) — к 1755 году, то есть году открытия Московского университета. Архимандрит Гавриил, автор 6-томной «Истории философии», считал философию атрибутивным свойством мышления русского человека, полагая, что уже в пословицах содержится философская рефлексия окружающего мира [8, с. 33]. При этом подавляющее большинство историков русской философии признают ее самостоятельность и оригинальность. Известный русский мыслитель В. В. Зеньковский отмечал: «Ничто так определенно не подтверждает самостоятельность и оригинальность русской философии, как наличность ее *развития*. Всякое развитие может быть только органическим, т.е. в нем можно проследить *диалектическую связность*, а не только одну историческую последовательность» [9, с. 24]. Правда, имеются и скептики: культурное отставание России в сфере философии признавал, например, Г. Г. Шпет. «Таким образом, — констатировал он, — общий итог условий, при которых развивалась философская мысль в России, короток. *Невегласие* есть та почва, на которой произрастала русская философия. Не природная тупость русского в философии, как будет показано ниже, не отсутствие живых творческих сил, как свидетельствует вся русская литература, не недостаток чутья, как доказывает все русское искусство, не неспособность к научному аскетизму и самопожертвованию, как раскрывает нам история русской науки, а исключительно невежество не позволило русскому духу углубить в себе до всеобщего сознания европейскую философскую рефлексю. Неудивительно, что на такой почве произрастала философия бледная, чахлая, хрупкая» [15, с. 49].

Что можно сказать относительно исторической эпохи, ставшей предметом нашего исследования?

В экономическом плане 30–50-е годы XIX века — это эпоха дальнейшего разложения феодально-крепостнического строя и постепенного развития капитализма, что подтверждалось ростом городов, промышленного производства, упрочением всероссийского рынка, активизацией денежного обращения, внешней торговли и т.д. Товарное производство

значительно возросло даже на селе, несмотря на сохранение крепостного хозяйства. Нельзя не сказать в этом плане об указе Екатерины II 1764 года *о секуляризации*, в результате чего была подорвана *экономическая база церкви* и передано государству около миллиона крестьян мужского пола, которые в дальнейшем использовались в качестве наемной рабочей силы.

В политическом плане Россия по-прежнему оставалась монархией, но ее устои постепенно расшатывались усилиями оппозиционно настроенных либеральных дворян, начиная еще с А. Н. Радищева, а также военных чинов, организовавших в декабре 1825 года восстание.

В интеллектуальном плане Россия сделала очередной шаг в своем развитии. Образовавшиеся многочисленные кружки (Московский кружок Любомудров, кружок Н. В. Станкевича, кружок А. И. Герцена и др.) и салоны стали привычной картиной интеллектуальной жизни страны. В их деятельности принимали участие поэты, писатели, журналисты. В круг обсуждений попадали весьма разнообразные темы, касающиеся как литературы, так и политической жизни. Причем постепенно формировались метафизические (философские) основания анализа происходящих событий и прогнозирования их последующего развития.

В целом, следует признать значительно возросший интерес образованной дворянской молодежи к философии. Так, в Московском кружке Любомудров (1823–1825 гг.) изучали труды Ф. Шеллинга и А. Шлегеля, осмысливали предмет философии и ее место в системе наук, идеи идеалистической диалектики.

Нередко для более глубокого освоения западноевропейской философии молодые люди отправлялись за рубеж. М. А. Бакунин, например, для постижения философии Гегеля, которую он, как и В. Г. Белинский, был покорен, уехал в Германию и слушал соответствующие курсы лекций непосредственно в Берлинском университете, хотя вскоре совершенно в них разочаровался.

Общая картина русской общественно-политической мысли 30–50-х годов XIX века выглядела примерно так. Дворянско-крепостнический строй все в большей мере тормозил экономическое развитие России, служил онтологической основой возрастающих социальных противоречий, грозящих обернуться социальным взрывом. Это осознавали не только мыслящие разночинцы, выходцы из низов, но и представители либерального дворянства — Т. Н. Грановский, П. В. Анненков, В. П. Боткин, К. Д. Кавелин, И. С. Тургенев и др. Учитывая эти обстоятельства, представители дворянского либерализма были противниками крепостного права и желали развернуть Россию на европейский путь. Но при этом категорически отказывались от

революционных методов преобразования страны, что было характерно для революционных демократов, делали ставку на просвещение и мирные постепенные реформы политического строя, не ущемлявшие чрезмерно дворян. Какое-то время дворянские либералы контактировали с революционными демократами, но к концу 50-х годов, испугавшись мощного протестного движения низов, которых поддерживали революционные демократы, перешли в оппозицию по отношению к ним и встали на защиту существующего строя. Таким образом, единственным политическим лагерем, отстаивающим интересы народных масс, оказались революционные демократы.

Известный русский философ Г. Г. Шпет считал, что замысел революции «выносила, лелеяла, себя сама на нем воспитывала наша интеллигенция девятнадцатого века» [15, с. 14]. И начало этому замыслу было положено в рассматриваемый нами период. Из философов к сторонникам революции следует отнести в первую очередь В. Г. Белинского, А. И. Герцена и М. А. Бакунина.

Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1841) — крупный русский мыслитель первой половины XIX века. Выходец из «низов» (родился в семье флотского лекаря), он всю свою сознательную жизнь посвятил идее освобождения народа от эксплуатации и насилия.

В мировоззренческо-теоретическом развитии Белинский прошел длительный, непростой путь от романтизма и идеализма через этап «примирения с действительностью» к революционному демократизму и материализму. Был приверженцем диалектики Гегеля, но переосмыслил ее и критически переработал в материалистическом ключе. По убеждению Белинского, все «развивается по моментам, движется диалектически, из низшей ступени переходя на высшую. Этот непреложный закон мы видим и в природе, и в человеке, и в человечестве» [4, с. 583]. Более того, «только тот народ имеет право назваться «историческим», который выразил своею жизнью момент диалектически развивающейся идеи человечества» [4, с. 100–101].

Опираясь на диалектику, Белинский обосновывал закономерность исторического процесса, неизбежность социального прогресса и социализма. Диалектика стала для мыслителя методологической базой разрабатываемого им проекта преобразования российского общества. А преобразовывать было что. Характеризуя российские общественные устои той эпохи, Белинский в письме В. П. Боткину 13 июня 1840 года указывал: «Меня убило это зрелище общества, в котором действуют и играют роли подлецы и дюжинные посредственности, а все благородное и даровитое лежит в позорном бездействии на необитаемом острове. Вот, например, ты: что бы мог ты делать и что делаешь?» [6, с. 527]. Русский

мыслитель ратовал за отрицание старых, отживших форм социума — острие его критических стрел было направлено против крепостничества и самодержавия. Единственный приемлемый в сложившихся условиях путь преобразования мира — социальная революция. При наличии жесткой цензуры он не мог заявить об этом открыто, но свою главную идею выдавал в завуалированной форме, в своих публикациях акцентировал внимание на революционных эпохах во всемирной истории, например, на французской буржуазной революции XVIII века. В письмах же был более откровенным, в частности, в письме В. П. Боткину заявлял: «Я все думал, что понимаю революцию — вздор — только начинаю понимать. Лучшего люди ничего не сделают» [7, с. 72].

Белинский видел прогрессивную роль буржуазии как социального класса, решительно убравших с политической сцены кровожадных феодалов и создавших промышленность, но будущее гуманное общественное устройство с нею не связывал. В письме В. П. Боткину 2–6 декабря 1847 года он отмечал: «я сказал, что не годится государству быть в руках капиталистов, а теперь прибавлю: горе государству, которое в руках капиталистов. Это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят. Торгаш есть существо, по натуре своей пошлое, дрянное, низкое и презренное, ибо он служил Плутусу, а этот бог ревнивее всех других богов и больше их имеет право сказать: кто не за меня, тот против меня. Он требует себе человека всего, без раздела, и тогда щедро награждает его; приверженцев же неполных он бросает в банкротство, а потом в тюрьму, а наконец в нищету» [7, с. 449]. Белинский не исключал формирование класса буржуазии и в России, усматривал в этом даже позитивный момент, полагая, что «внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазии» [7, с. 468].

Белинский был убежден в неизбежном утверждении на планете справедливого общества — победе социализма и наступлении «золотого века», таких времен, «когда никого не будут жечь, никому не будут рубить головы <...> Не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья» [7, с. 70–71]. Гуманное будущее Белинский связывал с формированием нравственного человека, в силу чего теме воспитания отводилось значительное место в его публикациях: «воспитание, — указывал Белинский, — всегда делает нас или выше, или ниже нашей природы, да, сверх того, с нравственным улучшением должно возникнуть и физическое улучшение человека. И это делается чрез социальность. И потому нет ничего выше и благороднее, как способствовать ее развитию и ходу. Но смешно и думать, что это может сделаться само

собою, временем, без насильственных переворотов, без крови. Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов» [7, с. 71].

В религии и церкви русский мыслитель видел оплот самодержавия и поэтому их критике уделял в своих сочинениях особое внимание. Начиная с 1840 года, он прочно стоял на материалистических позициях в философии и именно с этих позиций дал жесткую оценку последней книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». «Вы не заметили, — отмечал он в своем письме, — что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а со здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение» [5, с. 213].

Своеобразный проект преобразования самодержавно-крепостнической России предложил *Александр Иванович Герцен* (1812–1870). Выходец из дворянской семьи, он, как и Белинский, связал свои интересы с защитой обездоленных народных масс. Сначала возлагал надежду на европейские революции 1848–1849 годов, которые, по его убеждению, должны были бы направить общество по гуманному пути. Их поражение привело мыслителя к духовному кризису и пессимизму, но, с другой стороны, позволило ему более пристально обратить свой взор на Россию и именно с ней попытаться связать гуманное развитие человечества. Суть разрабатываемого проекта заключалась в следующем. Герцен увидел в пока еще не разложившейся русской крестьянской общине тот благоприятный материал, на котором можно было бы при его дальнейшей обработке выстроить модель идеального общественного устройства. Эта модель получила название «русского крестьянского социализма».

При всем уважении к интеллектуальным способностям Герцена, выстраиваемая им на протяжении многих лет модель оказалась не более чем утопией. Вскоре она подверглась научно обоснованной критике первого русского марксиста Г. В. Плеханова, но и сама социальная практика шла с ней в разрез: во второй половине XIX века, особенно после отмены крепостного права, казалось бы, незыблемой, сельская община, стала активно разлагаться, поскольку и село постепенно, но неотвратимо переходило на капиталистический путь развития. Такова закономерность исторического процесса.

Герцен также известен как крупнейший организатор вольной русской типографии в Лондоне, затем в Швейцарии. Издававшиеся им альманах «Полярная звезда» и еженедельник «Колокол» своим острием были направлены на подачу объективной картины русской действительности, а следовательно, на критику деспотического строя державы. Вольная русская пресса сыграла большую роль в распространении свободомыслия и революционизации массового сознания в России.

Одним из видных теоретиков и революционеров-практиков XIX века был *Михаил Александрович Бакунин* (1814–1876).

В качестве причины, непосредственно обусловившей активный поиск Бакуниным путей революционного преобразования мира, следует назвать социально-экономическое и политическое развитие предреволюционной Европы, в которой мыслитель очутился, впервые попав за границу в 1840 году. И хотя Бакунину, приверженцу философии Гегеля, стоявшему в конце 1830-х годов на позиции «примирения с русской действительностью», были чужды все практически-политические вопросы, именно практика революционной борьбы трудящихся Западной Европы обусловила его интерес к анализу проблемы социальной революции. Революционным исканиям способствовало личное знакомство Бакунина с А. Руге, В. Вейтлингом, Г. Гервегом, К. Марксом, Ф. Энгельсом, а позднее — с революционными деятелями Польши. При этом необходимо учитывать, что к началу 40-х годов Бакунин был уже идейно и теоретически подготовлен к восприятию революционных идей, чего нельзя сказать о практическом решении им политических вопросов. Как и другие передовые люди России, во второй половине 30-х годов он искал ответ на волнующие вопросы русской действительности, изучал философию Гегеля, послужившую затем теоретической базой его первых, революционных по содержанию работ, активно участвовал в работе кружка Станкевича, выражал протест (скорее всего неосознанно) против самодержавно-крепостнических порядков в России.

В первой статье Бакунина «Реакция в Германии», опубликованной в «Немецких летописях» за 1842 год под именем Жюля Элизара и получившей высокую оценку А. И. Герцена, содержится выход за рамки традиционно абстрактного «теоретизирования» левогегельянцев. «Свобода, реализация свободы, — писал Бакунин, — кто станет отрицать, что сейчас этот лозунг стоит на первом месте в порядке дня истории?.. Но одно слово, голое признание ничего не стоят» [2, с. 126]. Бакунин приходит к важному выводу о том, что будущее принадлежит народу, угнетенным классам, однако дифференцировать угнетенные классы он не смог [2, с. 148].

Русский мыслитель стремился разработать программу освобождения угнетенного народа. Его внимание привлекают работы Гегеля и Шеллинга, Вердера и Руге, так как в курсах лекций по философии, читавшихся в Берлинском университете, он разочаровался в первый же год своего пребывания в Германии. «Познакомившись поближе с метафизическими вопросами, я довольно скоро убедился в ничтожности и суетности всякой метафизики; я искал в ней жизни, а в ней смерть и скука, искал дела, а в ней абсолютное безделье» [3, с. 102–103], — писал он впоследствии о преподававшейся в Берлинском университете философии. Сделав правильный вывод о том, что «революционная драма еще не закончена» [2, с. 230].

В центре его внимания находится также «славянский вопрос». И это не случайно. Интерес к «славянскому вопросу» обусловлен не только борьбой Бакунина против русского царизма за освобождение народа своей страны. Он рассматривал разрешение «славянского вопроса» в качестве конкретной программы объединения угнетенных славянских народов в борьбе против господствующих классов не только в России, но и в Западной Европе, и как один из наиболее реальных путей установления справедливого общественного устройства в ряде государств Европы.

В революционном движении народов Западной Европы русский мыслитель выделял поляков как наиболее стойких революционеров. Поиски Бакуниным путей освобождения угнетенного народа с неизбежностью поставили его перед «польским вопросом», который, как справедливо отмечается в литературе, «надолго стал одним из острейших углов противоречий в европейской международной политике» [12, с. 4]. В бакунинской программе «революционного действия» польскому народу отводилась, как правило, решающая роль. Таким образом, «польский вопрос» занял одно из центральных мест в разрабатываемой Бакуниным программе разрешения «славянского вопроса» и не только его, так как Бакунин ставил задачу освобождения всех славянских народов.

Вторая отличительная черта бакунинского решения «славянского вопроса» — это требование «солидарности» всех славянских народов в борьбе с русским императором. Бакунин ставит перед собой цель объединения угнетенных классов славянских народов для совместной борьбы против русского царя. Подобную политику он проводил и на Пражском конгрессе славян. Следует, однако, заметить, что Бакунин усматривал лишь теоретическую возможность союза всех наций. В его трудах нередко встречаются элементы панславизма. Так, он считал, что «ненависть против немцев есть первое основание славянского единства и взаимного уразумения славян» [3, с. 133].

Безусловно, в качестве положительной стороны воззрений Бакунина необходимо выделить идею союза и дружбы русского и польского народов, которая была близка выдающимся революционным деятелям Польши. Так, на протяжении всей жизни эту идею отстаивал виднейший прогрессивный общественный деятель Польши Иоахим Лелевель [10, с. 223].

В работах Бакунина уделяется значительное внимание проблеме внутреннего устройства «славянской федерации», а также вопросу ее взаимоотношения с другими государствами. В статье «Основы новой славянской политики», написанной в 1848 году, Бакунин рассматривает принципы, лежащие, по его мнению, в основе «славянской федерации», — равенство, свободу, братскую любовь, признание независимости всех славянских народов, запрещение войн между ними, недопустимость их союза с другими народами и т.д. [1, с. 115–116]. Однако этот проект был утопичен, абстрактен и пронизан к тому же панславистскими идеями.

В целом, необходимо отметить в качестве бесспорной заслуги Бакунина его практическую деятельность в 1840-х годах. Несмотря на свою противоречивость, эта деятельность носит гуманистический характер и заслуженно получила признание в России и Европе. «У всех панславистов, — отмечал Ф. Энгельс, — национальность, т.е. фантастическая общеславянская национальность стоит *выше революции*. Панслависты согласны примкнуть к революции при условии, чтобы им разрешено было объединить в самостоятельные славянские государства всех славян без исключения, не считаясь с насущнейшими материальными потребностями» [11, с. 305].

Один из «оракулов» вольности анализируемой исторической эпохи — *Петр Яковлевич Чаадаев* (1794–1856). Воистину, автор знаменитых восьми «Философических писем», публикация первого из которых в «Телескопе» послужила основанием для закрытия журнала, взял на себя миссию оракула, хотя правительственные круги сочли его попросту сумасшедшим. Несмотря на свой развитый интеллект и эрудицию, что признавали современники, в их числе А. С. Пушкин, с которым мыслитель поддерживал тесные связи, Чаадаев не смог предложить заслуживающего внимания общественности социального проекта. Основная идея сводилась к критике российской действительности. «Дело в том, — констатировал Чаадаев, — что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежали ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось» [14, с. 18]. В силу своей неразвитости

России, по мнению Чаадаева, следовало бы обратиться к Европе и пойти к ней «на выучку». «Я, конечно, не утверждаю, — уточнял он, — что среди нас одни только пороки, а среди народов Европы одни добродетели, отнюдь нет. Но я говорю, что, судя о народах, надо исследовать общий дух, составляющий их сущность, ибо только этот общий дух способен вознести их к более совершенному нравственному состоянию и направить к бесконечному развитию, а не та или другая черта их характера» [14, с. 24]. Идеи Чаадаева не были поддержаны даже либеральными дворянами, в качестве их активных критиков выступили славянофилы, митрополит Серафим, министр народного просвещения С. С. Уваров, посчитавший первую «Философическую статью» «настоящим преступлением против народной чести» [14, с. 527], писатели Ф. Ф. Вигель («Самая первая статья <...> содержит в себе такие изречения, которые одно только безумство себе позволить может» [14, с. 528], П. А. Вяземский и др. «Что же касается нашей исторической ничтожности, — возражал Чаадаеву А. С. Пушкин, — то я решительно не могу с вами согласиться» [14, с. 524]. Подвел итог дискуссии писатель П. А. Вяземский. «Все эти возглашения истин непреложных, — иронизировал он, — заблуждения молодости или счастливой суетности» [14, с. 526].

Важной вехой в революционно-освободительном движении России стала деятельность *петрашевцев* — участников кружка М. В. Петрашевского. Кружок образовался в Петербурге в 1845 году и прекратил свое существование в апреле 1849 года в связи с арестом его членов. Как по своему социальному положению, так и по своим мировоззренческим позициям участники кружка не были однородными. Например, кружок посещали такие известные в будущем люди, как В. А. Милютин, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский и др. Базовой философской основой кружка служила философия французского социалиста-утописта Ш. Фурье, но участники кружка, о чем свидетельствуют дискуссии, были знакомы с трудами Г. Лейбница, И. Канта, Л. Фейербаха, А. И. Герцена. Среди участников кружка выделялось левое крыло, возглавляемое Петрашевским. Его представители стояли на материалистической платформе в философии, признавали всеобщую связь явлений, развивали диалектические идеи применительно к природе и с этих позиций готовили статьи для «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка». Петрашевцы отмечали важную роль просветительной деятельности в плане повышения сознания народных масс и преодоления различных общественных пороков. «Одним словом, — замечал Петрашевский, — когда свет образованности

будет разлит в обществе соответственно с его потребностями, тогда благосостояние не замедлит внедриться в оном» [13, с. 119].

Нередко в процессе обсуждения будущего гуманного социального проекта обращалось внимание на крестьянскую общину как возможную базу преобразования России. Представители левого крыла петрашевцев, выстраивавшие свои разработки в русле утопического социализма, оказались, пожалуй, наиболее радикальными мыслителями 1830–1850-х годов.

Наконец, нельзя не сказать о *славянофилах* — своеобразном философско-историческом направлении русской общественной мысли 1830–1840-х годов, известными представителями которого являлись И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин и др. Основная идея славянофилов — опора России в своем дальнейшем развитии на собственные, преимущественно древние устои. В этом плане они критически относились к преобразованиям Петра I, который своими радикальными реформами и «вхождением» в Европу, нарушил естественный ход развития Руси. Славянофилы, безусловно, не могли не замечать технических и технологических достижений Запада, понимали их значение для общественной жизни. Они, в конечном счете, могут быть полезны и для России. Но как их привнести, не разрушая ее древних устоев, — вот главный вопрос, на который они так и смогли найти ответа.

Русских мыслителей 30–50-х годов XIX века обычно разделяли на два лагеря — западников (Белинский, Герцен, Огарев, Бакунин, Кавелин и др.) и славянофилов. Эти две группы не были отделены друг от друга китайской стеной, одно время они даже входили в один и тот же кружок Станкевича. Но, разделившись, они в своих публикациях стремились выдерживать избранное направление мыслительной деятельности. Хотя, по большому счету, такого рода деление мыслителей — всего лишь один из апробированных и введенных в практику критериев классификации их теоретического наследия.

В *заключение* отметим следующее. Многогранная философская мысль России 1830–1850-х годов не исчерпывается теоретическим наследием и практической деятельностью отмеченных нами имен. Она масштабнее. Перечисленные нами персоналии не более как ее узловые точки. Но и они убедительно подтверждают то, что духовная жизнь в России представляла собой богатую, разноплановую и достаточно противоречивую картину, которая получила дальнейшее развитие уже во второй половине XIX века. Фактически, именно 1830–1850-е годы подготовили выход на интеллектуальную сцену таких титанов мировой мысли, как Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев и др.

Библиографические ссылки

1. *Бакунин М. А.* Избранные сочинения: В 5 т. Пг.–М. : Голос труда, 1919–1922. Т. 3.
2. *Бакунин М. А.* Собрание сочинений и писем: В 4 т. М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934–1935. Т. 3.
3. *Бакунин М. А.* Собрание сочинений и писем: В 4 т. М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934–1935. Т. 4.
4. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. 6.
5. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. 10.
6. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. 11.
7. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. 12.
8. *Ванчугов В. В.* У истоков формирования канона «древнерусской философии» // Русская философия в духовно-культурном пространстве Беларуси: история и современность: материалы Международного круглого стола (г. Минск, 20 сент. 2013 г.) / Ин-т философии НАН Беларуси; науч. ред. Т. И. Адуло. Минск : Медисонт, 2013. С. 30–45.
9. *Зеньковский В. В.* История русской философии: В 2 т. Ростов н/Д., 1999. Т. 1.
10. *Избранные* произведения прогрессивных польских мыслителей: В 3 т. / Подбор и ред. текстов, вступ. статьи и примеч. И. С. Миллера и И. С. Нарского. М. : Госполитиздат, 1956–1958. Т. 2.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: В 50 т. Изд. 2-е. М. : Политиздат, 1955–1981. Т. 6.
12. *Очерки* революционных связей народов России и Польши. 1815–1917. М. : Наука, 1976.
13. Философские и общественно-политические произведения петрашевцев / вст. ст. и общ. ред. В. Е. Евграфова. М. : Госполитиздат, 1953.
14. *Чаадаев П. Я.* Сочинения. М. : Изд-во «Правда», 1989.
15. *Шпет Г. Г.* Сочинения. М. : Изд-во «Правда», 1990.